

Список використаних джерел:

1. Войтович В.М. Українська міфологія / В.М. Войтович. – К.: Либідь, 2002. – 664 с.
2. Гаврилова Е. Г. Отражение национального мироощущения в русских пословицах и поговорках с компонентами-числительными два и двое / Е. Г. Гаврилова // *Juvenis scientia*. – 2015. – № 1. – С. 3–27.
3. Купер Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. – М.: Золотой Век, 1995. – 401 с.
4. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 5 т. Т.1 / Предисл. А. Афанасьева. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 320 с.
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: «Лабиринт», 2000. – 335 с.
6. Скомаровская А. А. Нумерологический код культуры в текстах русских народных сказок / А. А. Скамаровская // *Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания»*. – 2010. – № 4. – С. 61–67.
7. Топоров В. Н. Числа / В. Н. Топоров // *Мифы народов мира: Энциклопедия*. М.: Советская Энциклопедия, 1980. Т. 2. С. 629–631.

Карпина Е.С.

*кандидат филологических наук,
старший преподаватель,*

*Горловский институт иностранных языков
ГВУЗ «Донбасский государственный
педагогический университет»*

АВТОРСКИЕ ОТСТУПЛЕНИЯ НА ОБЩЕФИЛОСОФСКИЕ ТЕМЫ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНО ЗНАЧИМЫЙ ВНЕСЮЖЕТНЫЙ ЭЛЕМЕНТ КОМПОЗИЦИИ ПЕНТАЛОГИИ ВС. С. СОЛОВЬЁВА «ХРОНИКА ЧЕТЫРЁХ ПОКОЛЕНИЙ»

Одной из форм выражения историософской концепции Вс.С. Соловьёва, нашедшей органичное воплощение в его центральном литературном труде – пенталогии «Хроника четырёх поколений», являются авторские (лирические) отступления на общефилософские темы, тесно связанные в концептуальном плане с таковыми историософского характера и, таким образом, служащие дополнением к

общей картине. Этим термином в современном литературоведении обозначаются «более или менее развернутые авторские высказывания философского, лирического, автобиографического и т.п. характера» [1, с. 99]. «Автор-повествователь отвлекается от описания событий, чтобы прокомментировать их» [5, с. 116]. Это даёт ему возможность поделиться с читателем своими сокровенными мыслями и чувствами.

Под автором мы, вслед за Н.М. Щедриной, понимаем «носителя определенной концепции, некоего взгляда на действительность, выражением которого является все произведение» [6, с. 154].

Отступления являются необязательным элементом композиции художественного произведения, но если они всё же в нём присутствуют, то «играют, как правило, важнейшую роль и подлежат обязательному анализу» [1, с. 99].

Почти все отступления пенталогии расположены романистом в самом начале глав, их включающих, и тесно связаны с их содержанием, что предопределено его художественными задачами.

Большая часть авторских (лирических) отступлений горбатовской хроники содержится в первых двух её томах, что объясняется наличием в них черт классического исторического романа.

По наблюдению А. А. Ревякиной, в четвёртом томе пенталогии «романист сосредоточен на общечеловеческих проблемах, мучительных вопросах жизни» [2, с. 252]. В частности, в XXV главе второй части «Изгнанника» имеется показательное в этом плане авторское отступление: *«Покончить с собою, насильственно прервать свою жизнь – вовсе нетрудно, когда эта жизнь стала в тягость, когда чувствуется невыносимая, мучительная усталость, когда слабы нравственные силы. Минута отчаяния, минута самозабвения – все как в тумане, будто какая-то посторонняя, соблазняющая сила подталкивает руку... Один шаг, одно движение... Всего только одно, одно движение – и кончено!.. И уже назад нельзя!..*

Страдание! Но о нем не думается, и оно мгновенно, а за этим мгновением конец всему – тоске, усталости, слабости!..

Умереть нетрудно, но пережить известные минуты, часы и дни иногда требует от человека *огромной затраты нравственных сил*, и после такой затраты человек выходит совсем преображенным. А потом, через долгое время, когда уляжется старое горе, вспоминая его, невольно приходит вопрос: *да откуда же взялись эти силы? Как можно было пережить эти минуты, эти невыносимые ощущения? Как они не*

уничтожили, не сломали организма, как выдержал мозг, как не разорвалось сердце?!» (курсив мой – Е. К.) [3, с. 369-370].

Из сюжетной канвы романа становится ясно, что глубокомысленное размышление писателя имеет непосредственное отношение к душевным страданиям представителя третьего поколения рода Горбатовых – Николая Владимировича, балансирующего на грани жизни и смерти в поисках выхода из сложившейся ситуации.

Несмотря на то, что в этом фрагменте описывается состояние души человека, которому суждено было родиться и жить в XIX веке, временные границы стираются, и излагаемые Соловьёвым истины получают статус универсальных.

Присутствует в «Хронике четырёх поколений» и философствование на семейную тему. Если в собственно историософских произведениях подобного рода отступления – скорее исключение, чем правило, то в романах-семейных хрониках они встречаются достаточно часто, что предопределено их жанровой спецификой.

Взгляд романиста на проблему непростых взаимоотношений между родственниками отражён наиболее полно в III главе второй части «Старого дома»: *«Есть очень даже хорошие, разумные и справедливые женщины, и в особенности любящие матери, которые, тем не менее, никак не могут беспристрастно отнестись к жене сына.* Когда приходит время, они сами помышляют о сыновней женитьбе, сами приискывают ему невесту, убеждают его остановить свой выбор на такой-то девушке, радостно празднуют свадьбу, искренно и сердечно принимают участие в устройстве молодой семьи. Но проходит первая горячка – и кончено? Является тревога, сомнение...

«Да достойна ли она его? Будет ли он с нею счастлив? Такая ли жена ему нужна?! Если сын выкажет как-нибудь случайно хоть тень неудовольствия? Ну да, я так и знала – он несчастлив». Если же он совсем доволен женою, живет с нею дружно и счастливо, тогда дело усложняется еще больше. Нет причин выказывать свое неудовольствие, нельзя ни в чем обвинять!

«Он ослеплен, он слишком подчинился ее влиянию!» – Но эти фразы недостаточны. А между тем недовольство не проходит, оно упорно продолжает копошиться в сердце, не сдаётся ни перед какими средствами. *Причина такого недовольства – материнская любовь, материнская ревность. И невозможность бороться с этим чувством лежит в женской природе.*

Отец, напротив, в большинстве случаев, склонен любить жену сына и, когда у нее родится ребенок, продолжатель рода, эта любовь еще усиливается. Бабушка тоже радуется рождению внука, очень часто начинает боготворить его, переносить на него всю свою нежность, даже в ущерб любви к сыну, но никогда ей и в голову не придет, что она обязана этим дорогим маленьким существом невестке; ей даже кажется, что невестка преувеличивает свои права на него, что эти права почти незаконны, что права бабушки гораздо важнее прав матери» (курсив мой – Е. К.) [4, с. 235].

Приведённое нами отступление представляет собой цепь рассуждений писателя над вечной проблемой «отцов и детей». При этом Соловьёва, тонкого знатока семейной психологии, интересует не столько идеологический конфликт между поколениями (как в одноимённом романе И.С. Тургенева), сколько отношение матери к избраннице своего сына, коренным образом отличающееся от отношения к ней отца. Сопоставление авторского размышления с сюжетом романа свидетельствует о том, что первое является наглядной иллюстрацией обстановки, сложившейся в семье Горбатовых. Если Сергей Борисович души не чает в Катрин, то Татьяна Владимировна относится к ней неприязненно, хотя и старается этого не показывать.

Итак, в авторских (лирических) отступлениях на общефилософские темы, которые мы выделяем в качестве формы выражения историософской концепции автора хроники семьи Горбатовых, он размышляет над следующими проблемами: самоубийство как простейшее средство избавления от душевных мук, избираемое слабыми натурами, и мобилизация внутренних сил организма для борьбы с горем как его противовес; непростые межличностные отношения членов одной семьи (предвзятое отношение матери к избраннице младшего сына).

Предпринятый нами анализ диалогов, монологов и полилогов «Хроники...» как основных речевых форм её персонажей свидетельствует о том, что в количественном отношении они существенно превосходят авторские отступления как форму речи автора. Из этого следует, что выразителями абсолютного большинства историософских идей романиста являются действующие лица художественного цикла, значительная часть которых выступает в роли его резонёров. Сам же автор лишь изредка напрямую высказывает читателю свои мысли, касающиеся различных граней человеческого и вселенского бытия в их тесной взаимосвязи. Тем не менее, авторские

отступления, несущие в себе историософскую нагрузку, имеют немалое значение для мира идей пенталогии, поскольку отображают достаточно важные положения художественной историософии Вс. Соловьёва, а значит – служат существенным дополнением к общей картине.

Список использованных источников:

1. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособ. для студ. и преп. филол. фак., учителей-словесников. 3-е изд. Москва: Флинта; Наука, 2000. 248 с.
2. Ревякина А. А. Соловьёв Всеволод Сергеевич. *Русские писатели. XIX век. Библиографический словарь*: в 2 ч. Москва: Просвещение; Учебная литература, 1996. Ч. 2: М – Я / под ред. П. А. Николаева. 2-е изд., дораб. 1996. С. 250-255.
3. Соловьёв Вс. Собр. соч.: в 9 т. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. Т. 6: Хроника четырёх поколений: Изгнанник: исторический роман. 400 с.
4. Соловьёв Вс. Собр. соч.: в 9 т. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. Т. 5: Хроника четырёх поколений: Старый дом: исторический роман. 432 с.
5. Фесенко Э. Я. Теория литературы: учеб. пособ. для вузов. 3-е изд., доп. и испр. Москва: Академический Проект; Фонд «Мир», 2008. 780 с. (Gaudeamus).
6. Щедрина Н. М. Исторический роман в русской литературе последней трети XX века (Пути развития. Концепция личности. Поэтика): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Башкир. гос. ун-т. Уфа, 1995. 379 с.